

Молодой Шостакович

И ДЛЯ массового слушателя, и для музыканта-профессионала в

инструментальной музыке Дмитрия Шостаковича есть «белое пятно» — между Первой и Пятой его симфониями. Однако недавно это «белое пятно» несколько рассеялось: в Большом зале консерватории впервые прозвучала Четвертая симфония Шостаковича (в исполнении оркестра Московской филармонии, дирижер — К. Кондрашин).

Судьба этого произведения, действительно, сложилась необычно. Написанная в 1936 году, Четвертая симфония уже готовилась в Ленинграде к исполнению, но была снята с репетиций самим автором. Теперь, познакомившись с ней, можно с уверенностью сказать, что, каковы бы ни были причины, побудившие композитора в свое время отказаться от исполнения симфонии, они заключались не в профессиональных ее качествах. Ибо музыка симфонии превосходна.

Четвертая симфония Д. Шостаковича — произведение огромной трагедийной силы. Предельно резкое, яркое противопоставление высокого пафоса и жуткого всеразвенчивающего гротеска, мужества и красоты созидания и разрушительного скепсиса, жестокая борьба человеческого с противостоящей ему слепой и механической **бесчеловечностью** — вот содержание этой музыки.

Но, обладая самыми высокими художественными и профессиональными достоинствами, потрясая и поражая чувство и воображение, Четвертая симфония тем не менее не содержит ответа на мучительные проблемы, заключенные в ней. И кажется, что здесь достигнута та крайняя степень в музыкальном выражении горя, субъективного страдания, безнадежности мечты, за которой либо кончается искусство, либо открывается поворот к свету, радости, своего рода «выздоровление» после тяжелого «кризиса».

Такова Четвертая симфо-

Т. БОГАНОВА

ния Д. Шостаковича. Можно принимать или отвергать эту музыку, но невозможно отказать ей в огромной выразительности и своеобразной суровой красоте. Силой своего таланта композитор возвысил концепцию, в сущности, очень субъективную, до уровня подлинно общечеловеческого. Поэтому-то Четвертая симфония прозвучала на редкость современно и захватывающе.

Теперь, после знакомства с Четвертой симфонией, становится особенно ясно, что разрешение ее трагических проблем, поворот «от мрака к свету» и утверждение человечности совершились непосредственно вслед за этой кульминационной вспышкой — во всемирно известной Пятой симфонии. Может быть, и хорошо, что Пятая «обогнала» свою предшественницу, что исполнение Четвертой запоздало. Сейчас она невольно воспринимается именно так, как, кажется, и

«должно быть» (возможно, таков был и авторский замысел) — в качестве своего рода «прелюдии» к Пятой симфонии, вступления или огромной «первой части» этой грандиозной симфонической песни о борьбе, мужестве и радости конечной победы. Ассоциация эта сейчас неотъемлема от Четвертой симфонии. Она-то и придала ее звучанию ту высокую «оптимистическую трагедийность», которая составляет сильнейшую сторону музыки зрелого Шостаковича (и которая всегда так поражает зарубежных слушателей в советской манере исполнения самой трагедийной музыки).

Четвертая симфония была восторженно встречена публикой. Но, думается, впечатление от нее будет еще сильнее, а главное, полнее, если она прозвучит в один вечер с Пятой. Вместе они составляют монументальное симфоническое полотно, смысл которого — в огромной силе трагизма, беспощадности борьбы и большой радости победы.